

Николай Лесков

Народники и расколоведы на службе



Николай Семёнович Лесков

Народники и расколоведы на службе

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4614324*

Аннотация

Поездка Лескова в Ригу по поручению министра народного просвещения А. В. Головнина для изучения вопроса об организации правительственных общеобразовательных школ для раскольников явилась сокращенным вариантом первоначального, более широкого плана. О нем дает представление докладная записка Лескова, представленная министру 21 апреля 1863 года. В записке Лесков намечал довольно длинный маршрут, от Твери, Ярославля и Пошехонья до Ачинских скитов, Перми и Тюмени, с заездом на возвратном пути в Поволжье. «Таким образом, – писал он, – я буду в состоянии ознакомиться с целю восточною полосою раскола трех наиболее распространенных толков (поповщина, федосеевщина беспоповщинская, молоканство) и надеюсь дать определительные ответы по вопросам, интересующим г. министра народного просвещения».

Николай Семенович Лесков

Народники и расколоведы на службе

*(Nota bene к воспоминаниям
П. С. Усова о П.
И. Мельникове)*

В воспоминаниях Павла Степановича Усова о покойном Павле Ивановиче Мельникове, напечатанных в «Новом времени», есть между прочим такой эпизод:

«В 1862 году в правительственных сферах возник вопрос о необходимости учреждения для раскольников особых школ от правительства. В августе того же года я получил приглашение министра народного просвещения, А. В. Головнина, приехать к нему. Сообщив мне о проекте подобных школ, министр просил меня указать на сотрудников «Северной пчелы», помещавших в ней статьи по расколу, которые могли бы, по его поручению, отправиться в центры раскольникового населения для собрания сведений о положении у них школьного дела. Я указал на П. И. Мельникова как на знатока раскола, как на человека, который лучше других мог бы заняться этим делом.

– Мельников состоит, кажется, на службе? – был вопрос министра.

– Чиновником особых поручений при министре внутренних дел.

– Следовательно, необходимо снестись с его начальством. Это для меня неудобно. Нет ли других у вас лиц?

Тогда я назвал Н. С. Лескова, предупредив, что он в знании раскола уступает Мельникову. Но, по-видимому, рекомендация Лескова понравилась министру; он записал его адрес, и Н. С. Лесков отправился с поручением министра в Ригу.

Все эти факты – мелочи, но мелочи иногда лучше освещают житейские события. Проект о правительственных школах для раскольников не был приведен к осуществлению, встретив сильную оппозицию, В № 13 «Московских ведомостей» 1864 года появилась против этих школ сильная статья, в которой доказывалось, что «можно только терпеть раскол», что «в этом должен заключаться весь либерализм правительства». Я указываю на эту статью по той причине, что она была перепечатана, по желанию П. А. Валугева, в «Северной почте» (№ 17, 1864 года), следовательно, вполне согласовалась с его мнением по вопросу о раскольничьих школах. *П. И. Мельников был приверженцем отмены всех ограничений для раскольников*, а из этой статьи видно, что взгляд П. А. Валугева был совершенно противоположный, и потому он не находил удобным или полезным для себя пользоваться знани-

ями своего чиновника особых поручений в делах раскола».

Обстоятельство это передано г. Усовым неполно, и оттого является большой повод думать, как будто бывший министр народного просвещения, Александр Васильевич Головнин, послал для исследования известного раскольничьего вопроса меня, а не покойного Мельникова, не только потому, что о Мельникове ему нежелательно было сноситься с графом Валуевым, но и потому еще, что «П. И. Мельников был приверженцем отмены всех ограничений для раскольников», а я как будто представлял собою на этот счет нечто иное, – менее расположенное к терпимости и тем более отвечающее взглядам А. В. Головнина.

На самом деле все сказанное было не совсем так, и главным образом дело двигалось совсем не теми причинами, на которые частью намекает, а частью даже прямо указывает г. Усов. Вполне вскрывать все эти (как Павел Степанович называет) «мелочи» теперь, разумеется, еще не настало время, но обстоятельства служебных неудач Мельникова, о которых упоминает г. Усов, не только могут быть разъяснены, но даже непременно требуют разъяснения. Мнение, будто «приверженность к отмене всех ограничений для раскольников» была причиною, что Александр Васильевич Головнин лишил себя услуг покойного Мельникова, – весьма ошибочно. Покойный Мельников знал дела раскола несравненно лучше меня, – в этом не может быть никакого сомнения, потому что я тогда только учился этой материи, и Павлу Степановичу

Усову, всеконечно, близко известно, что Мельников весьма долго был моим руководителем в изучении раскольничьей и «отреченной» литературы и поправлял меня в первых моих опытах по описанию бытовой стороны раскола. Взгляд на раскол я по убеждению принял мельниковский, ибо взгляд покойного Павла Ивановича, по моим понятиям, есть самый верный и справедливый. «Раскол не на политике висит, а на вере и привычке» – таково было убеждение покойного Мельникова, так и я убежден, сколько по литературе, столько же – если еще не более – по долговременным личным, искренним и задушевным сношениям со многими раскольниками. С тех пор как я стал писать о расколе, – сначала в газете г. Усова, – *не иначе, как под руководством Мельникова*, – я *нигде и никогда* не смотрел на раскол как на явление свойства политического, и за то многократно и многообразно был порицаем и осуждаем последователями мнений Аф. Пр. Щапова, который, сколько известно, желал видеть в расколе «политико-демократический смысл», будто бы только прикрытый религиозным покрывалом. Мельникову, а после и мне, поставляли в вину, что мы писали иначе, и на нас было тогда ожесточенное гонение, которое долго было в большой моде, и к этому ополчению охотно приставали многие, собственно никогда раскола не изучавшие. Гонительство это сделалось одно время так сильно, что ему подпадали даже люди сторонние, имевшие смелость или неосторожность как-нибудь сослаться в своих работах на мои наблюдения и выводы. Так,

между прочим, за это в очень сильных и смелых выражениях был порицаем профессор Петербургской духовной академии Ив<ан> Фед<орович> Нильский, который в этом проступке где-то и оправдывался и доказывал, что и на меня порою можно сослаться. Словом, я нес одинаковое с Мельниковым отвержение, но у меня было и свое разномыслие с Павлом Ивановичем: мне не нравилось и не казалось справедливым его обыкновение относиться к *чувствам староверов* слишком по-чепурински, – как говорится – «с кондачка». Приведите себе на память Потапа Максимовича Чепурина (в «Лесах» и на «Горах»), который «как начнет про скитское житие рассказывать, то так разговорится, что женский пол вон да вон». В мельниковском превосходном знании раскола была неприятная чиновничья насмешливость, и когда эта черта резко выступила в рассказе «Гриша», – я возразил моему учителю в статейке, которая была напечатана, и Павел Иванович за нее на меня рассердился. Все это при тогдашнем оживлении в литературе и в жизни не проходило безотзывно и бесследно, а потому я думаю, что бывший министр народного просвещения А. В. Головин, интересовавшийся в то время вопросом о раскольничьих школах, знал, что я по части раскола представлял собою по преимуществу человека той самой школы, которую «политиканы» называли «мельниковскою», но которую, по справедливости, можно бы назвать историческою, научною. Следовательно, нет никакого основания предполагать, что министр А. В. Головины мог

ожидать от меня исполнения поручения в ином духе, как и от Мельникова. Я удостоивался многих обвинений, начиная с либерального обвинения в «оклеветании молодежи» до консервативного применения мне свойств самого коварного «потаенного нигилизма», но я никогда не давал никому никаких поводов считать меня врагом «приверженности к отмене ограничений религиозных». И я думаю, что А. В. Головнин вовсе этого не желал, и во всяком случае он от меня этого не требовал. Напротив, посылая меня, А. В. Головнин не стеснял меня никакими указаниями и даже высказал, что ожидает от меня *«только правды»*, а в данном мне письме к остзейскому генерал-губернатору, барону Ливену, он просил предоставить мне свободу действий, которою я и пользовался невозбранно и, по отзыву генерал-губернатора, – не предосудительно. Работа же моя – «Отчет о раскольниках города Риги, преимущественно в отношении к школам» – составлена так, как я хотел ее написать, *и в том самом духе, в каком мыслил Мельников*. Мне давно очень досадно, что книга эта остается неизвестною русской литературе, но в этом не моя вина. Книга эта, по распоряжению А. В. Головнина, была в 1862 году отпечатана в типографии Академии наук, кажется, всего в числе восьмидесяти экземпляров, и куда она делась и где находится – мне неизвестно. Я имею только один ее экземпляр, данный мне А. В. Головниным *как автору*; но в литературе немецкой она весьма известна, так как вся она почти целиком переведена и напечатана

в весьма распространенной книге бывшего дерптского профессора Юлиуса Экгарта «Burgerthum und Bureacratie» (моя записка составляет целую *треть* этой книги). Каким образом она туда попала – я тоже не знаю, но знаю, что и дерптский профессор и германские рецензенты его книги, выведшие на свет мою записку, находили причины указывать на ее «беспристрастие». Короче, без жеманства скажу – ее хвалили за ее терпимость и еще кое за что. Кажется, все это должно бы представлять ручательство, что А. В. Головнин, по воле которого та записка напечатана, не желал избегать и «приверженности к отмене ограничений» и из-за этого не мог иметь побуждений отстранять Мельникова.

Причиною того, что в Ригу был послан я, а не Мельников, были два действительные неудобства – одно меньшее, а другое большее. Павел Степанович Усов, при его превосходной памяти, все-таки немножко смешал, как шло это дело. Вначале у господина министра не было плана посылать знающего раскол литератора в Ригу, а была мысль иная: именно выяснить, каковы вообще желания великорусских староверов по отношению к школам, о которых они просили. Тут внимание г. министра и остановилось на Павле Ивановиче Мельникове, но поездка самого сведущего человека с такою общемою целью представлялась крайне щекотливою и едва ли полезною. Во-первых, чтобы услышать задушевные желания староверов, – надо было скрывать свое посланничество и его цель; а это и тяжело, да и неудобно. У староверов есть своя

тайная полиция, организованная во многом не хуже еврейской «пантофлевой почты». Во-вторых же, мы недоумевали, что такое можно выяснять в школьных желаниях людей, которые совсем не имеют никаких понятий о школе? Тут как раз по пословице, – можно было «проездить не по что, и привести ничего». Павел Иванович это предвидел и говорил, что ему, «наверно, не придется ехать». Главная причина, почему он так думал, заключалась в том, что «чиновнику особых поручений министра маскироваться *неудобно*, а с своим официальным положением он ничего задушевного не узнает». Притом Павел Иванович сам находил, что это посольство не будет приятно Петру Александровичу Валуеву, который, как явствует из воспоминаний г. Усова, был сторонником «ограничения», тогда как Мельников, конечно, хотел стоять за «отмену ограничений». Следовательно, действуя по совести и убеждениям, Мельников непременно должен был бы исполнить работу, поручаемую ему А. В. Головным, в таком духе, которого не одобрял его прямой начальник, граф П. А. Валуев. Отсюда понятно, что самая простая деликатность могла удержать А. В. Головина от того, чтобы ставить нашего писателя в такое щекотливое положение к его служебному начальнику. Если же бы П. И. Мельников исполнил поручение А. В. Головина в духе «ограничений», которые совсем не отвечали целям этого министра просвещения, то такая работа послужила бы не в пользу дела, а во вред ему. И тогда зачем бы А. В. Головину нужен был та-

кой исполнитель?.. Вот, я думаю, в каком роде были очень простые и нимало П. И. Мельникову не обидные соображения, которыми г. министр, однако, мог весьма основательно руководиться. А потому сказанное А. В. Головниным П. С. Усову слово, что «Мельникова командировать *неудобно*», я думаю, действительно значило то самое, что оно и выражает. Ничего странного, необъяснимого и невнимательного к литературным заслугам П. И. Мельникова тут нет. Кроме же того, были, как я говорю, и другие причины, о которых упоминает сам П. С. Усов. О Мельникове ходили неблагоприятные слухи по его прежней службе... Это составляло маленькую эпопею, напечатанную в «Колоколе» А. И. Герцена. Я точно так же, как и П. С. Усов, уверен, что все насазанное на Мельникова со стороны его небескорыстия по «наездам на раскол», вероятно, была сплетня, но тем не менее в самой раскольничьей среде против Павла Ивановича существовало сильное предубеждение, и ему не очень-то доверяли, а всегда его побаивались, – это правда. «Волк, – говорили о нем, – так волчком и глядит». А такое настроение староверов, конечно, не увеличивало удобства посылки к ним Мельникова по такому делу, для которого нужно было стяжать полное доверие и вызвать самую искреннюю откровенность.

Дело на этом было и остановилось, но тут подвернулось небольшое, но очень характерное событие, которое стоит вспомнить и записать, как корректив к интересным воспоминаниям г. Усова.

В те самые дни, когда вопрос о посылке меня или Мельникова колебался, петербургские староверы были неприятно поражены одною близко их касавшеюся литературною новинкою: Кожанчиков пустил в продажу первый выпуск сочинения А. Шапова «Земство и раскол» (СПб., 1862 г.). Автор книги и иные критики думали, что г. Шапов подносит этим сочинением самый милый дар староверию, но староверы, увидав, что их предков хотят представить политическими неслухами и «умыслителями», – смутились. Такое вышло «недоразумение», что кое место в книге автора всего более радовало, то самое староверов наиглубже огорчало. Кто любит плакать или смеяться, тот нашел бы в этом «недоразумии» причины для одного и для другого. На 33-й странице было, например, место такое: «В Поморской области возникло демократическое учение не молиться за московского государя»; староверы обиделись этой «неправдой» и заговорили: «Какие мы дымократы? что это еще за глупость! мы в его *благоверии* сомневаемся, но за его благочестивое житие молимся». Часто тогда меня звали потолковать, – и вот раз вечером ко мне приехали два петербургские старовера, Пикиев и Мартьянов (один федосеевец, а другой поморец), и просили тотчас же ехать с ними в Толмазов переулочек, где в трактире «Феникс» собралась «сходка разных сословий» и желают меня видеть. Я нашел около сорока человек староверов, частью мне знакомых, но более незнакомых, и между сими последними одного купца из Москвы, который был

в Петербурге проездом из Риги и здесь много и пространно рассказывал о виденных им в Риге русских староверах «изрядного обучения», а обучение то, по его словам, «преподается в Риге, в хорошо, по древнему образцу, устроенных секретных школах». Всем питерским это очень нравилось, и все здесь присутствующие жарко выражали одно желание, чтобы «министерство тот древний устав школы просмотрело» и после повсеместно дозволило бы «такие самые школы, в каких потаенно от власти подучаются рижские староверы». И тут-то *самими староверами было высказано желание*, чтобы г. министр просвещения «оповестился о тех потаенных школах» *через меня*. «Тебе, говорили, мы дадим верные письма к таким людям, которые тебе всё покажут, и ты принеси министру правду; а другого, кого мы не знаем, того не хотим и тот ничего не увидит». Тут совершенно в ином виде выяснилась ясная цель, для которой стоило послать сведущего человека *именно в Ригу*, да указан был и самый человек, которому сами староверы готовы были помогать, не принуждая его ни маскироваться, ни притворствоваться, – человек этот и был я. И вот тогда лишь А. В. Головнин и командировал меня в Ригу, ибо я лично представлял в себе для этой командировки такие *удобства*, которых другие не представляли. Вот почему и вот как образовалось это предпочтение меня перед Мельниковым, без малейшего желания г. министра унижать превосходные знания Павла Ивановича. Вышло это просто потому, что если я несколько отвечал целям министра, то

еще более отвечал *желаниям тех людей, для пользы которых все это предпринималось*. Пренебречь этим г. министр, очевидно, не видел никакой надобности, да, сколько я могу судить, – сделать людям неприятное, когда можно сделать приятное, – не было в духе этого министра. Так я и поехал с письмами от А. В. Головнина к генерал-губернатору Ливену; от сенатора М. Н. Турунова к жандармскому полковнику (ныне генералу) Андреянову, и от староверов с четырьмя письмами к Никону Прок. Волкову, Захару Лаз. Беляеву, Ионе Федот. Тузову и Петру Андр. Пименову. Самое веское из сих рекомендательных писем было от неизвестного мне рекомендателя, и писано оно было на лоскутке синей толстой бумаги, вырванной из переплетенной счетной тетради, а заключалось в следующей несложной редакции: «*Сему верь*» – а вместо подписи «слово-титло» (бог знает, что оно означало).

Поручение министра А. В. Головнина было исполнено мною, не причинив его высокопревосходительству никаких досаждений, а брошюра «С людьми древлего благочестия», которую я написал после этой поездки, вдруг была вся раскуплена и давно уже составляет библиографическую редкость. Из этой брошюры, составляющей обрезки того, что значится в отчетной записке, напечатанной в типографии Академии наук, можно видеть, что я относился к делу с тою же целью показать излишность «ограничений», как постоянно мыслил и П. И. Мельников. Но как записка эта, напи-

санная двадцать лет назад, до сих пор еще не утратила своего интереса, а между тем правительственные лица, которых она касалась (главным образом, князь Суворов), уже сошли в могилу и составляют сюжет истории, то я не вижу причин оставлять ее далее в неизвестности для общества и попытаюсь напечатать эту мою работу в одном из русских исторических изданий.

П. С. Усов передает, тоже как особый знак неблаговоления к Мельникову, то, что «П. А. Валуев, с самого вступления своего в должность министра внутренних дел, удалил Мельникова от раскольничьих дел и от себя». А как мне известно, и тут не Мельников *лично* не годился, а в эту пору вообще разбор и разработка раскольничьих дел в настоящем научном направлении стали нежелательны, или, точнее сказать, *несовместны*, с целями некоторых из правителей. П. С. Усову должно бы быть известно, что прежде отстранения Мельникова предполагалось учредить целое «сотрудничество», которое бы дружно взялось и сразу покончило с разбором и приведением в известность всех раскольничьих дел архива министерства внутренних дел. Мысль эта едва ли не исходила от М. Н. Турунова, или по крайней мере им поддерживалась, и тогда в числе лиц, сюда предназначавшихся, снова были Мельников и я. Об этом со мною, по поручению П. А. Валуева, вел переговоры граф Капнист, которому я в чистосердечном разговоре высказал мой взгляд на раскол и те мои убеждения, с которыми я могу приступить к

этой любопытной, важной и до сих пор никем надлежащим образом не исполненной работе. Но, вероятно, и мои взгляды, без сомнения точно переданные графом Капнистом г. министру, показались почему-либо одинаково *несовместимы*, и с той поры речь о привлечении меня к занятиям делами раскола уже никогда более не возобновлялась. А вместо допущения к сим заповедным делам П. И.. Мельникова со мною или меня одного доступ к ним был открыт покойному Федору Васильевичу *Ливанову*, который раскола хотя не знал, но имел характер и взгляд более *совместные*. Дел раскольничьих Ф. В. Ливанов не привел в ту ясность, какой предполагалось достичь обстоятельным их разбором, но плодом его знакомства с министерскими архивами зато вышло злохудожное сочинение «Раскольники и острожники». В этой скандальной и шельмовальной книге были глубоко оскорблены и обесславлены многие из достоуважаемых людей в московском купечестве, начиная с Морозовых и Кузьмы Терентьевича Солдатенкова, а появлению этого сочинения предшествовали еще более скандальные истории вымогательства и шантажа, вскрывать которые еще не наступило время.

Личные свойства Ф. В. Ливанова, который оказался всех нас «совместимее», достаточно известны и в Москве и в Петербурге и среди староверов и среди монашествующей братии, представители которой тоже тяжело испытывали неудобства всякого личного с этим человеком соотноше-

ния. Небезызвестен г. Ливанов и семье литературной, которая, впрочем, *никогда* не считала его своим и всегда бежала всякого с ним общения. Кто рекомендовал Ливанова министру внутренних дел как знатока раскольничьей литературы и раскольничьего быта, — я не знаю, но это очень любопытно и, конечно, когда-нибудь выяснится. Но я знаю, что книги Ливанова, рассмотренные в ученом комитете министерства народного просвещения при графе Дмитрие Андреевиче Толстом, были «отклонены» и что той же самой участи они подпали в учебном комитете святейшего синода, председатель которого, покойный протоиерей Иосиф Васильевич Васильев, брал у меня для соображений мой обширный черновой доклад о сочинениях Ливанова.

Таким образом, вот кто, собственно, был настоящим заместителем Павла Ивановича Мельникова в занятиях делами раскола научно-историческим путем. Это был Ф. В. Ливанов, который в одной из своих книжек «Золотая грамота» обнаружил такое многоведение, что даже не знал, как надо перекреститься, и указывал налагать на себя не крест, а *треугольник* (да, это буквально так!).

Что же касается затруднений П. И. Мельникова в издательстве книги, написанной по поручению министра, то и это едва ли можно приписывать личному неблаговолению П. А. Валуева к Мельникову. Совершенно такие самые истории случались далеко не с одним Мельниковым. Подобная вещь была, как мне известно, с покойным Алексеем Фео-

филактовичем> Писемским и другими, а наконец, и лично со мною: в моем столе до сей минуты лежит пропущенная духовным цензором рукопись, с страшную спешностью составленная мною по настоятельному и спешному требованию трех министров. Это – приспособленный к русским простонародным понятиям перевод или пересказ известного сочинения Боссюэта, пользовавшегося особым расположением императора Александра I. Работа эта, заключающая в себе от шести до семи печатных листов, четыре года тому назад была сделана мною в две недели к празднику пасхи, процензурована архимандритом Арсением страстными днями и... осталась лежать у меня, как вещь, по-видимому, никому и ни на что не нужная. Приказана, сделана и брошена... Почему же это так? А весьма просто! Причиной этого было предложение литературных услуг со стороны некоего В. В. Кардо-Сысоева, который явился добровольцем и подал сочинения, отличавшиеся большою решительностью. Они были патронируемы одним учреждением, а министерством народного просвещения «отклонены» за их крайнее несоответствие приличиям и нравственности. Это и повело впоследствии к тому, что упомянутые сочинения г. Кардо-Сысоева перестали пользоваться особыми содействиями к их распространению через акцизных надзирателей по питейной части, но деньги на издание их он получил... Таков вообще неверный удел заказных литературных работ, мнение о совместимости которых часто изменяется, прежде чем самая трудолюбивая

рука в состоянии их исполнить, и Мельников в этом случае не был исключением. А можно разве сказать то, что положение чиновников из литераторов вообще часто бывает исключительным и сугубо тяжким среди чиновников, к литературе непричастных. Но это совершенно другой вопрос, и в нем покойный Павел Иванович тоже опять испытал далеко не самое обидное положение.

Примечание

Печатается по тексту журнала «Исторический вестник», 1883, № 5, стр. 415–423.

Поездка Лескова в Ригу по поручению министра народного просвещения А. В. Головнина для изучения вопроса об организации правительственных общеобразовательных школ для раскольников явилась сокращенным вариантом первоначального, более широкого плана. О нем дает представление докладная записка Лескова, представленная министру 21 апреля 1863 года (таким образом, и поездка писателя в Ригу относится к июлю 1863 года, а не 1862-го, как сказано у Усова и повторено в статье Лескова). В записке Лесков намечал довольно длинный маршрут, от Твери, Ярославля и Пошехонья до Ачинских скитов, Перми и Тюмени, с заездом на возвратном пути в Поволжье. «Таким образом, – писал он, – я буду в состоянии ознакомиться с целю восточною полосю раскола трех наиболее распространенных толков (поповщина, федосеевщина беспоповщинская, молоканство) и надеюсь дать определительные ответы по вопросам, интересующим г. министра народного просвещения» (С. Н. Штрайх. Неизданное письмо Н. С. Лескова об исследовании раскола – «Вестник литературы», 1917, № 1; А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 172–173). Из-за отсутствия средств у министерства этот широкий маршрут не был осу-

ществлен и заменен поездкой в Ригу.

Смысл подобной поездки для министерства заключался в желании привлечь на сторону правительства все «русские элементы» для русификации Остзейского края (Прибалтики). Об этом тогда же Лесков рассказал в неподписанной заметке «Раскольничьи школы» («Библиотека для чтения», 1863, № 5, стр. 89). «Что раскол нимало не страшен государству, – читаем здесь, – это теперь ясно, как солнце. Толки, пугавшие власть расколом, росли от незнакомства с духом и домогательствами раскола. Теперь раскол высказался сам. Стоит найти людей, способных познакомить вас со всеми подробностями раскольничьей педагогики, и она, вероятно, станет страшна менее прошлогоднего снега. Стоит послушать самих раскольников, самих их вызвать на указание путей к соглашению их педагогических желаний с желаниями правительства и сделать дело как можно проще и согласнее с желаниями тех, для кого оно делается. Как бы ни обучен был молодой раскольник, он будет ближе своего отца к современной среде и получит большую охоту к знаниям, в которых лежит сила, долженствующая непременно одолеть заблуждения, устоявшие против петровских крючьев, кнута и плахи».

Результатом поездки Лескова в Ригу явилась обстоятельная его записка, изданная отдельной книжкой: «О раскольниках города Риги преимущественно в отношении к школам» (СПб., 1863; записка датирована 23 сентября 1863 года,

издана в количестве 60 экземпляров). Несколько позже материал записки был использован в большой статье Лескова «Искание школ старообрядцами» («Биржевые ведомости», 1869, №№ 28, 30, 37, 43, 44, 48, 65, 71, 89, 102, 134).

В воспоминаниях Павла Степановича Усова о покойном Павле Ивановиче Мельникове... – то есть в статье П. Усова «Воспоминания о П. И. Мельникове» – «Новое время», 1883, №№ 2528–2537.

Валуев, Петр Александрович (1816–1890) – государственный деятель; в 1861–1868 годах – министр внутренних дел. На этом посту непрестанно враждовал с министром народного просвещения А. В. Головкиным.

...последователями мнений Аф. Пр. Щапова... – Афанасий Прокофьевич Щапов (1830–1876) – историк, близкий к революционным демократам. В своих работах отстаивал взгляд на раскол как на явление демократическое и революционное в своей основе; поэтому и он и его последователи считали необходимым возможно более широко использовать раскол в целях борьбы с самодержавием.

Нильский, Иван Федорович (1831–1894) – профессор Петербургской духовной академии, «специалист» по расколу; ссылки на Лескова в его работах не установлены.

...в «Лесах» и на «Горах»... – то есть в романах П. И. Мельникова (А. Печерского) «В лесах» (1868–1875) и «На горах» (1875–1881).

Рассказ «Гриша» – опубликован в «Современнике», 1861, № 3; тогда же вышел отдельным изданием.

«Отчет о раскольниках...» – Лесков ошибочно указывает дату выхода своего «отчета»: в действительности, он вышел в свет в 1863 году и в количестве шестидесяти экземпляров.

...в... книге... Юлиуса Экгарта... – Публицист Ю. Экгарт отстаивал автономию Прибалтийских губерний.

...напечатанную в «Колоколе» А. И. Герцена. – В «Колоколе», 1858, л. 16, стр. 132, были опубликованы материалы о «подвигах» П. И. Мельникова «на обращение раскольников».

Кожанчиков, Дмитрий Ефимович (ум. в 1877 г.) – книгопродавец и издатель, был близок к прогрессивным кругам общественности.

Турунов, Михаил Николаевич (1813–1890) – видный чиновник цензурного ведомства, с 1868 года сенатор.

...вместо подписи «слово-титло» – то есть буквы С. Т. Расшифровать скрывающееся за этими инициалами лицо не удалось.

...брошюра «С людьми древлего благочестия», которую я написал после этой поездки... – Под этим заглавием Лесков написал две статьи в «Библиотеке для чтения», 1863, № 11, стр. 1–64, и 1864, № 9, стр. 1–45, за подписью: М. Стебницкий. Обе статьи вышли отдельными брошюрами (СПб., 1863 и 1865). В данном случае Лесков, очевидно,

имеет в виду первую статью.

Суворов, Александр Аркадьевич, князь (1804–1882) – внук А. В. Суворова. В 1848–1861 годах был генерал-губернатором прибалтийских губерний и сильно преследовал раскольников. Позднее (1861–1866) – петербургский генерал-губернатор, близкий ко двору человек.

Капнист, Петр Иванович, граф (1830–1898) – чиновник министерства внутренних дел, приближенный к министру Валуеву.

Ливанов, Федор Васильевич (ум. в 1870-х гг.) – писатель, автор ряда книг и очерков, посвященных раскольниковому и острожному быту. Данная Лесковым характеристика основной его книги, «Раскольники и острожники. Очерки и рассказы» (СПб., 1868; было несколько изданий), совершенно справедлива. По поводу другой книги Ливанова, «Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни русского духовенства» (М., 1877), Лесков отозвался специальной статьей: «Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни (Критический этюд)» – см. наст. изд., т. 10, стр. 188.

...начиная с Морозовых и Кузьмы Терентьевича Солдатенкова... – то есть с самых именитых представителей московского купечества: Морозовы – сыновья Саввы Васильевича (1771–1860): Тимофей, Иван, Елисей и др. К. Т. Солдатенков (1818–1901) был широко известен также своей издательской и общественной деятельностью.

Толстой, Дмитрий Андреевич, граф (1823–1889) – в

1866–1880 годах министр народного просвещения. Крайний реакционер, активно противодействовал передовым направлениям в высшей и средней школе. По ходатайству Каткова Толстой в 1874 году определил Лескова членом «Ученого комитета министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения».

Васильев, Иосиф Васильевич (ум. в 1881 г.) – священник, председатель Духовно-учебного комитета при синоде (с 1867 г.).

«Золотая грамота» – название «первой в России учебно-воспитательной народной хрестоматии», вышедшей в 1875 году, в Москве (две части).

...затруднений П. И. Мельникова в издательстве книги... – В 1866 году Мельникову было дано поручение собрать ряд сведений о расколе по специальной программе. Выполненная работа затем не получила никакого движения. См. П. Усов. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский). Его жизнь и литературная деятельность, СПб., стр. 232–270.

Арсений (Брянцев) (1839–1912) – архимандрит, позднее архиепископ харьковский. О судьбе процenzурованной им работы Лескова никаких сведений не сохранилось. Судя по упоминанию о Боссюэте (Жак-Бенинь Боссюэ (1627–1704) – известный французский проповедник и догматик католичества, произведения которого были направлены на «убеждение» протестантов), работа Лескова также предназначалась для пропаганды православия среди раскольников. На-

меки относительно «некоего В. В. Кардо-Сысоева» (сведений о нем не сохранилось, кроме того, что в 1878–1882 годах он издавал «народный сельскохозяйственный журнал «Сельская беседа», в сугубо «благонамеренном» роде), по-видимому, имеют в виду его связь с жандармским ведомством («одним учреждением»).